

Экран и сцена - 1992. - 5-12 июля (№ 45) - с. 4, 10

Когда два года назад Павел Лунгин получил приз на кинофестивале в Канне за режиссуру, он, естественно, оказался в центре кинематографических страстей и пересудов — то ли истинный первооткрыватель новых художественных путей, то ли баловень судьбы, то ли попросту банальный имитатор и пройдоха! В фильме «Такси-блюз» действительно были и свежесть авторского взгляда на мир, и мастерство сюжетосложения, и нахальство новичка, усвоившего западные ритмы съемок и монтажа, и обаятельная лихость, с которой режиссер выплескивал все это на экран.

Помните, когда мы приехали в Анапу на фестиваль «Киношок», мы как будто приехали в семидесятые годы, как будто ничего не менялось: нас встречали женщины в национальных казачьих костюмах с фруктами, моряки, казаки — не страшные московские, а добрые, из детских книжек. И появлялось чувство какой-то защищенности. А человек сегодня оказался снова один на один со страшным, неизведанным миром. Эта культура расчленяет человека, она накладывает на него сетку каких-то ритуалов, и мы снова видим общество, в котором «голый человек на голой земле» спрашивает: «А кто я? Куда я иду? Зачем я живу? Что делать?». Спрашивает: «А папу надо убивать или любить?». Ну не просто обществу принять решение, что папу надо любить, ведь есть еще где-то племена, где стариков убивают. Были же древние ми-

потом оказывается, что это пластинка. Фантастика перемешана с бытовыми подробностями. Фильм стал моим выражением чувства опасности, ведь это был предпутчевый фильм. В сценарии был эпизод, когда мальчик Андрей приходит в луна-парк, в подвал, в спортивный зал, где они занимаются культуризмом, а там полно офицеров, луна-парк наполнен подполковниками и майорами. У них проходит какое-то тайное совещание. После путча, а путч прошел за пять дней до начала съемок, я откасался от этой сцены. Да, в фильме, с одной стороны, нищета, с другой — все пьяные, рестораны переполнены, в этом страшном веселье есть чувство надвигающейся опасности, катастрофы. Думаю, мой новый фильм уже будет другим, жизнь изменилась, чувство опасности отступило, оставило меня.

— А не было ли в этой гущенности негативных сторон нашей жизни, расчета на интерес именно западной публики!

— Так ставить вопрос, все равно что предполагать, что сказка «Гуси-лебеди» существует для того, чтобы распустить представление о Древней Руси как о стране, где старушки сажют мальчиков в печь. Нам надо раз и навсегда отказаться от комплекса, что на Западе лю-

«ГУСИ-ЛЕБЕДИ» БЕСПРЕДЕЛА

Новый фильм «Луна-парк» ничего не получил на нынешнем фестивале в Канне. А несколько его показов в Москве, на фестивале «Киношок» в Анапе и, наконец, на открытии сезона в Доме кино свидетельствуют о том, что, хотя эта лента и вызовет интерес широкой публики, она вряд ли может рассчитывать на безоговорочный успех. Резкие, но тяжёлые и многозначительные сюжетные повороты и разветвления превратили этот фильм в некое подобие громоздкого, небформенного шкафа, набитого модными, качественными и занятыми игрушками. При этом автору явно не отка-

жешь в мастерстве и таланте, в умении делать умное, зрелищное, интересное и неожиданное кино.

— Павел Семенович, почему реальность в вашем фильме предстает в таком деформированном, гиперболизированном виде? Это ваше художественное credo!

— Не знаю, почему мир получился в этом фильме таким фантастичным, возможно, потому, что я хотел сделать сказку, жестокою современную сказку. У меня такое ощущение, что идет полное, тотальное разрушение старых структур общества. И это всегда очень страшно и вызывает ностальгию.

фы об отцах, пожирающих своих детей, и о детях, убивающих своих родителей. А потом был огромный эволюционный путь.

Мы забываем, что античная Греция, ее мифологическое время — время, когда в крови бродят страхи. Когда человек пытается понять этот мир — это всегда жестокое время. Мы, пытаясь понять его, проживаем время новых мифов. Поэтому мне хотелось сделать фильм, в котором реальность и нереальность смешаны. Отсюда в фильме безумный ритм американских горок, которые во всем мире называются русскими, почему-то героиня начинает петь Вагнера, а

бят, когда им показывают помойки России, когда они видят русскую яму, то рука у них сразу тянется за кошельком. На самом деле наши помойки ничуть не более живописны, чем помойки, нищета, насилие и жестокость в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе или Бразилии. Сейчас мир ужаснулся, испугался нового насилия, общего явления распада, разбивания общества на какие-то племенные структуры, возникновения необъяснимых ненавистей. Все началось когда-то с распада бывшего СССР, а сейчас это явление разрослось по всему миру, стало интернацио-

(Окончание на 10-й стр.)

«ГУСИ-ЛЕБЕДИ» БЕСПРЕДЕЛА

(Окончание.)

Начало на 4-й стр.)

нальным. А ангажированный фильм — его нигде не любят. Надо быть идиотом, чтобы его делать. Тебя считают антисемитом, тебя считают русофобом, считают, что ты продался, что не можешь делать чистое искусство — ты со всех сторон подставляешься, потому что твой фильм о жизни. Я его делал действительно по своему внутреннему долгу. Я делаю такие фильмы, которые мне хочется делать, и пока что я могу разрешить себе не думать о коммерческом успехе. В Канне я ни на что не рассчитывал, хотя мне жаль, что гениально играющий Олег Борисов не получил приза за мужскую роль. Конечно, глупо было надеяться: что же, я буду каждый раз ездить и каждый раз получать призы? Это дико и неправильно. Вообще, меня раздражает сама идея раздачи медалей.

— Почему на роль Наума Хейфица вы пригласили именно Олега Борисова?

— В фильме много ироничного. В нем еврей как бы не еврей, а дух еврейства. На самом деле мы давно уже все перемешали. Я не хотел, чтобы был такой «дамский портной» — набор ухмылок, прискоков, подтяжек, расставленных

мизинцев. Поэтому Олег — конечно, была моя мечта. Он всегда играет душу, у него внешнего рисунка как бы нет вообще, он вообще не играет. Мне хотелось, чтобы он сыграл не святого (все любят еврея, который выходит из ворот Освенцима с девочкой на руках или со скрипкой), а живого, хитрого, такого нечестивого и очаровательного, эгоистичного и детского, ну какого-то такого, которых я сам знал. Он блистательно все сделал и сам, кажется, любит эту роль.

— Как вы относитесь к уже прозвучавшим в ваш адрес упрекам в русофобии?

— Я отношусь к этому, понимая, что есть определенная категория людей, которая боится свободы. Новые националисты и старое руководство объединяются, и оказывается, что им очень хорошо вместе, потому что на самом деле их главная мечта, главная идея — закрытая страна. В этой стране люди не имеют права жить так, как живут люди во всем мире; здесь жестокость, отсутствие свободы, отсутствие нормального жизненного уровня объясняются мистическими расказами об особом пути

России, о ее роли в спасении мира. Такие люди есть и будут. Я, конечно, утверждаю общечеловеческие ценности, для меня главное то, что объединяет людей, приводит их к общему миру. Для меня главным в фильме — его финал.

Герой и Наум Хейфиц — вовсе не отец и сын! Без этого фильм был бы обыкновенным — ну открывает человек себя, открывает мир, осознает, что плохо быть антисемитом. Но они просто любят друг друга, и здесь не играет роли ни раса, ни кровь. Вот что важно. Любить отца легко. Любить чужого — для меня есть главный и единственный оптимизм.

— Не кажется ли вам, что умалчивание «большой политической» проблем русских людей, скажем, в бывших республиках лишь подогревает национализм, дает «крупную карту» националистическим вождям?

— Национализму многое дает карту. Мы находимся в состоянии болезни, и главный вопрос для нашей страны — войти в сообщество нормальных государств, снова не упасть в замкнутое, закрытое пространство экономической, духовной, идеологической изоляции, что было бы ужасно. Это вопросы коллективные, вопросы для всех. Человек, который делает кино, может дать только индивидуальный ответ, он может думать о судьбе и о жизни только одного человека, в этом наша беда и, может быть, наше счастье.

Но я верю, я точно знаю, что каждый отдельно взятый может найти утешение. Поэтому ужаснее всего волна насилия, какого-то ожесточения, угарного праздника, когда ничего не стоит человеческая жизнь. Этим охвачена вся территория бывшего Советского Союза. И надо как-то вырваться из мира жестокости, освободиться, открыв

в себе любовь к другому, слабому, чужому, к кому угодно.

Как только есть любовь — ты спасен. Многие упрекают меня: «Почему вы так снисходительны к этим молодым негодьям, к этим фашистам? Вы хотите сказать, что они дети?» Да, они дети. Они не виноваты, и Алена не виновата, хотя она — безумная манипуляторша, потому что жизнь сожжена, потому что все врали, потому что еще любит и потому что переживает катастрофу. Никто не виноват, и все страдают, все хотят сделать как лучше, все одиноки. Я никого не вижу в фильме.

— Павел Семенович, не думаете ли вы, что обилие «еврейской темы» в сегодняшнем театре и кино может не укротить, а спровоцировать национализм?

— Нет, не думаю. Дело не пахнет погромами. Об этом очень долго было запрещено говорить. Когда мы говорим об этом, то со смехом, то со слезами, как бы выходят запретные слова — со смехом и со слезами выходит страх запретов. Мне кажется, чем больше фильмов, тем меньше возможности, что этот ужас будет происходить в реальной жизни. Как заклинание духов. Их надо «заклинать».

— После «Такси-блюза» нашлись люди, которые упрекнули вас в намеках на гомосексуализм. Не боитесь ли вы, что вдруг найдут намеки еще на что-нибудь «остренькое», скажем на инцест?

— До такой изысканности мне далеко. Алена не его, Андрея, мама, мама его умерла, и в фильме это ясно сказано. По замыслу, он сирота, вообще говоря, его родила советская власть. У него есть выдуманный отец — летчик, который не отец, а миф, матери тоже нет. Почему я выбрал такого исполнителя?

Ведь у него чеканное лицо героя, как у Гагарина. Он герой соцреализма.

— Очень фактурный исполнитель.

— Парень оглушительный абсолютно. Он еще и новый человек. Ведь всегда мечтали сделать нового человека. Вот он — новый человек, без папы, без мамы, готовый убивать, кого прикажут. Почему у меня всегда главные герои мужчины? Потому что фильмы про любовь снимают благополучное общество, а неблагополучное — про дружбу, про братство. Трагедия героев «Такси-блюза» в том, что они не гомосексуалисты. Если бы Шлыков хотел тела этого музыканта, то тело получить просто, он душу хотел получить. Перед желанием получить душу задница ничего не стоит. А ты мне душу, душу дай...

— Новый фильм будет тоже про дружбу, братство?

— Я веду линию про своего любимого «гомо советикус», потому что, с одной стороны, он исчезает, с другой, фильм — какое-то свидетельство времени. Было время «Такси-блюза», сейчас мы пройдем через безумное время «Луна-парк». Я буду делать фильм о мафии, но расскажу про

дружбу, про беспредел. Я — певец советского беспредела («беспредел» — настоящее слово, его нет ни в каком другом языке и быть не может). Я хочу сделать историю про дружбу, высокую поэзию между Москвой и Нью-Йорком, про русских, которые мучают американцев, потому что ничего не боятся, потому что прошли через такое, что американцы перед ними, как дети.

— Я знаю, что «Луна-парк» имеет успех во Франции.

— По результатам первых недель проката, он входит в десятку, девятый по посещаемости зрителями. А ведь рядом идут такие американские гиганты, как «Чужой-III», «Смертельное оружие-II». И вообще приятно, что весь Париж заклеен лицами ребят, которых я набирал для съемок на станции «Ждановская», в Орехово-Борисове, по подвалам. Очень приятно.

— Свой следующий фильм будете снимать здесь или во Франции?

— Буду работать с французами, но здесь. Просто французы дают часть денег на съемку.

— Желаю удачи.

Беседу вел
Петр КУЗЬМЕНКО.

LUNA PARK

LUNA PARK